

Л.И. ГЛУХАРЁВА

Эстетический контекст искусства правоприменения

В статье дается характеристика правоприменения как искусства. Это было присуще дореволюционной юридической литературе. Такой подход позволяет акцентировать качественную сторону процесса применения права, актуализировать не только формально-догматическую составляющую, но и творческое содержание этого вида юридической деятельности. Понимание правоприменения как искусства вовлекает в орбиту научного осмысления эмоционально-чувственные оценки и отношения ее участников. Тем самым проблематизируется связь правореализации властных субъектов с общим состоянием правовой культуры и порядка в обществе. Термин “искусство правоприменения” вводит в параметры юридического анализа эстетические оценки – красоту, правильность, позитивность, гармоничность, вкус и т.п. Эстетика правоприменения, по мнению автора, складывается из юридических, нравственно-моральных и собственно эстетических начал. В связи с чем очевидна необходимость усиления внимания к психосоциокультурным методам познания, более глубокому освоению юристами антропологических императивов правовой активности.

Ключевые слова: прикладная юриспруденция, искусство правоприменения, творческие начала применения права, рационализм права, эмоционально-чувственное восприятие правоприменительной деятельности, практическая эстетика, красота, возвышенное, гармоничное, показатели эстетики правоприменения, психосоциокультурные методы познания.

Прикладную юриспруденцию (или применительное право, правоприменение) издавна относили к разряду искусств, по крайней мере, так ее определяли еще во времена становления научной правовой рефлексии и организации основ юридического образования в Западной Европе и России. Под искусством понимался род *деятельности*, отличавшийся непосредственно практической направленностью и связанный с умением претворять в область сущего и конкретного то, что является должным и отвлеченным¹. Искусством называл право в действии Цельс Авл Корнелий: “Право есть искусство в оказании пользы и соразмерной справедливости” (цит. по [Графский 2005, с. 216]).

В России в “Проекте учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов” от 28 января 1724 г. юриспруденция также именовалась “искусством права” [Полное... 1830]. Еще в 1778 г. о “пользе законоискусства” говорил в своей лекции профессор Московского университета С. Десницкий [Избранные... 1752]. Традиция

¹ Так, например, В. Ивановский указывал: “Юриспруденция – это искусство, при помощи которого стремятся приспособить право к возможно лучшему регулированию человеческих отношений” [Ивановский 1913, с. 48]. Ф. Тарановский видел задачу искусства правоприменения “в приспособлении положительного права для целей его практического применения” [Тарановский 2001, с. 247].

называния применительного права искусством сохранялась в России практически до советского периода.

Во второй половине XIX столетия взгляд на правоприменение дополнился новыми идеями. Авторы стали подчеркивать его *свободный* характер, сочетание в нем равным образом *логических и творческих* начал. Считалось, что правоприменители должны владеть не только собственно догматическими приемами, но и умением вчувствоваться в ситуацию, сноровкой творческого отыскания справедливого решения. Зарубежные (Р. Иеринг, З. Шлосман, Ф. Адикес, О. Бюлов, Е. Эрлих, Ф. Жени и др.) и отечественные ученые (С. Муромцев, Н. Коркунов, Л. Петражицкий и др.) актуализировали *способности*, которыми должны обладать субъекты правоприменительной деятельности. На повестку дня был поставлен вопрос не только о знаниях и навыках, но и о мастерстве, артистизме, виртуозности, ловкости, гибкости и прочих чертах, необходимых правоприменителям для профессионального владения правовыми инструментами и технологиями. По этому поводу так, например, высказался Иеринг: “...для понимания и применения права недостаточно одного здравого разума, а необходимы еще приобретаемые лишь многолетними усилиями и упражнениями своеобразная способность восприятия, особая искусность отвлеченного мышления, юридическая интуиция, воображение, умелость в обращении с юридическими понятиями, верный глаз...” [Иеринг 2015]. Муромцев полагал, что “в основе каждого юридического исследования – будет ли оно предпринято с целями практическими или теоретическими, будет ли это работа судьи, юрисконсульта, законодателя или ученого-догматика – лежит процесс непосредственного юридического творчества”, который по существу ничем не отличается от процесса творчества вообще, и “чем менее юрист приурочивает свое творчество к специально-юридической сфере...тем более оно оригинально и плодотворно” [Муромцев 2010, с. 182–183]. Внимание специалистов, таким образом, переключилось на выявление критериев, которым должны отвечать действия, решения и личностные качества субъектов правоприменения, чтобы последнее действительно можно было относить к разряду практических искусств.

Теперь, как представляется, в этом направлении нужно сделать следующий шаг: теснее связать понятие “искусство правоприменения” с *эстетической стороной* применительных действий. К сожалению, в этом плане проблема мало известна юридическому сообществу и слабо вовлечена в научное обсуждение. Впрочем, проблема *практической эстетики*, в которую, собственно, включена эстетика права, по многим аспектам также дискуссионна и в социогуманитарной науке в целом.

Сегодня в российском правопорядке ощущается явный запрос не только на законность (адекватную догматику) и справедливость (нравственно-моральную обоснованность) процессов применения права, но и на эстетичную форму их выражения. Юристам (да и широким кругам населения) не хватает позитивных ощущений правильности и правоты предпринимаемых судом и другими властными субъектами решений и действий, культурной чуткости правоприменителей, красоты слова и текста, коллегам по цеху не хватает восхищения мастерством и высокого признания итогов “трудных дел”.

Более того, выражение “искусство правоприменения” стало использоваться новым поколением российских юристов в прямо противоположном смысле, оно стало метафорой, означающей верные по форме, но глубоко несправедливые, избирательно казуистические и безразличные к судьбам людей юридические “отписки” и решения.

Подобная ситуация, естественно, рождает “нравственно-эстетическую глухоту юристов” [Малахов 2015, с. 61], притупляет эмоционально-чувственную оценку своей активности, снижает понимание роли правильного и возвышенного в работе и профессиональной культуре, делает их безразличными к красоте слова, текста и действия в сфере, которая, кстати, как и все социальное, постижима лишь во взаимосвязи и дополнении формально-логических и эстетичных форм. Эстетически-эмоциональный голод юристов, несомненно, подпитывается принятым в юриспруденции рационализмом – догматическим стилем мышления. Влияет и нормативная (стандартизиро-

ванная) природа самого права. Но имеют значение и другие, ситуационные по сути, обстоятельства жизни в России: общее понижение образовательно-профессионального уровня юристов, галопирование нормотворчества, перманентное реформирование правовой системы, экономизация общественных связей, “испарение морали” и многое другое, что в итоге провоцирует нарастание сервильной составляющей юридических услуг.

А ведь сталкиваясь с фактами, вызывающими эмоциональный отклик возвышенного характера, юристы (как и профессионалы в любой другой области) всегда открывают для себя что-то новое, изменяются сами и после этого уже никогда не смогут взглянуть на проблему по-старому. Чувства восхищения и признания мастерства коллег – мощный стимул для повторения, поле для надлежащей правовой коммуникации, уважения права, развития правовой культуры и т.д. Неоспорим тот факт, что авторитет закона напрямую зависит от людей, олицетворяющих профессионализм и следующих справедливости. В истории широко известны образцы высокого нравственно-эстетического уровня, которые оставили свой положительный след в юриспруденции, сформировали вкус и эстетику в сфере права. Эстетические черты были присущи, например, античным произведениям, знаковые строчки из которых превратились со временем в афоризмы, а затем – и в принципы права. Они свойственны сентенциям римских юристов, заложившим основу современного абстрактного права; судебным прецедентам, оцененным современниками в качестве источников права и ставшими примерами для судебного подражания; логике и риторике известных русских адвокатов (П. Александрова, С. Андреевского, А. Боровиковского, В. Жуковского, Н. Карабчевского, Ф. Плевако, В. Спасовича, А. Урусова, Н. Холева, А. Языкова и др.).

Речь, безусловно, идет не о каких-то особых художественных формах в правоприменении (что, кстати, присуще искусству как таковому в прямом его значении). Правоприменение прагматично по определению, оно осуществляется ограниченным кругом наделенных властными полномочиями субъектов, имеет принудительный характер, немислимо без других форм правореализации, сопровождается официальным правоприменительным актом и т.п. Однако для него всегда важна процедура и форма выражения. А как раз с этой точки зрения правоприменение, рассмотренное как техника дела, как система внешних способов и приемов, при помощи которых оно осуществляется, и результатов, в которых выражается подобная деятельность, может быть оценено с эстетических позиций. Если для искусства особую значимость имеют внешние эстетичные формы выражения, то правоприменению, понятому как искусство, также должны быть присущи свои формы эстетики.

Эстетические потребности юридического сознания, конечно, находят свое частичное удовлетворение в рациональной сфере – в изящных конструкциях, определениях-афоризмах, логической связке терминов, решениях дел отдельных юристов и проч., что, тем не менее, не снимает проблему чувственно-эмоциональной неразвитости юридического сознания в целом. Поэтому в целях его пробуждения и воспитания, думается, следует актуализировать в сфере правоприменения ряд показателей, касающихся эстетических позиций. Она должна оцениваться с точки зрения красоты: правильности, гармоничности либо низменности, примитивности, беспорядочности и т.п. (которые могут быть присущи этой деятельности, так сказать, с ее внутренней стороны); эмоционально-эстетического восприятия окружающими (одобрения, восхищения, признания либо осуждения, непонимания, осуждения и др.), рассматриваемыми ее с внешней стороны. В правоприменении как искусстве и, следовательно, как в объекте, обладающем эстетической значимостью, необходимо видеть его собственные (имманентные) эстетические свойства, зависящие от действий и решений правоприменителей (ведь эстетика нормативна), а равно черты и свойства, которые она приобретает под влиянием субъективного, эмоционально-чувственного отношения к ней иных участников и наблюдателей этой деятельности (так, кстати, устанавливается незримая диалогичность правоприменения). В “искусстве правоприменения”, как и

в любом другом творческом акте, присутствуют также внутренние интеллектуально-волевые и психологические стороны, присущие правоприменителям.

Органическим свойством того, что именуется “искусством”, является способность вызывать отклик, сопереживание, оценки у наблюдателей (других людей). Слово, текст и действие в правоприменении порождают эстетические эмоции удовлетворения, торжества, огорчения, сочувствия, отвращения, возмущения, оскорбления, ярости и проч. Именно эти эмоции мотивируют последующее поведение людей, от них напрямую зависит общественное отношение к праву, реальный правопорядок в обществе.

Поэтому искусство правоприменения как предмет научного исследования должно получить объяснение и соответствующее развитие не только с позиций его технико-механических параметров (как это делается сегодня в юридической науке), но и эстетических форм – красоты и правильности слова, текста и действия субъектов правоприменения, эмоционально-чувственного восприятия и оценки этой деятельности вовлеченных в правоприменение иных лиц. Именно в совокупности оба показателя в единстве рожают алгоритм ценностного отношения к праву и правовой регламентации, прививают и развивают эстетико-юридический вкус, оздоравлиют в целом правосознание. Эстетика дела – высшая форма выражения духовности, поэтому ее актуализация весьма благотворно влияет на человека и различные виды его деятельности. Как справедливо отмечает В. Малахов, “возвышенное воодушевляет, приводит в восторг; низменное угнетает, приводит в уныние, отвращает; равнодушие к возвышенному огрубляет восприятие мира, равнодушие к низменному развращает” [Малахов 2015, с. 61]. При тиражировании низменного притупляется чувство запретов и правонарушаемости, они перестают в должной мере переживаться людьми, последние фактически примиряются с ними, а ведь борьба с преступностью и искоренение противоправного в бесчувственном обществе невозможны [Малахов 2015, с. 61].

О необходимости роста красоты юридического слова и действия, развития эстетического вкуса в юридической сфере в свое время писал и Иеринг: “Будет, пожалуй, считаться натяжкой, если я говорю о юридическом чувстве изящного или чувстве красоты. Но сам предмет этого требует... На нем основано удовольствие и неудовольствие, которое вызывают в нас известные конструкции. Одни удовлетворяют нас своей естественностью, прозрачностью, простотой, наглядностью, другие отталкивают нас противоположным, кажутся нам натянутыми, неестественными и т.д., хотя мы и не можем назвать их превратными” [Иеринг 2015].

К всеобщему эстетизированию реальности как насущной потребности современного мира, к распространению творческой точки зрения на все, что окружает человека, призывал в свое время лидер американской эстетики М. Бердсли [Бердсли 1997, с. 175]. Ученый утверждал, что благодаря эстетическим переживаниям упрочивается единение людей с универсальными началами бытия, эстетический подход вводит человека в жизнь другого, делает его соучастником объективно единой для обоих жизни, сплавливает человечество, прививает чувство порядка и культуры [Бердсли 1997, с. 178].

Без эстетики правоприменение превращается в ремесло, хотя сам по себе этот уровень сегодня, к сожалению, стал нормой для российской практики. Последний лишен творческой составляющей, замыкается в алгоритмизированных и механизированных рамках. В этом смысле юрист-ремесленник – дилетант, владеющий некоторыми навыками и выполняющий работу на среднем уровне. Такая ситуация влечет за собой распространение той “товарной психологии”, которая ориентирует на обслуживание клиентов по конформистской формуле “чего изволите”. Если же вопрос ставится о возвышении правоприменения до уровня искусства, то необходимо осуществить качественный переход, то есть повысить требовательность к личности и креативности правоприменителя – его остроумию, ораторским способностям, артистичности, готовности к эмпатии, эффективному оперированию противоречивой информацией, высокой интуитивности, постижению более глубоких смыслов и следствий в воспринятой информации, и т.п. Такие качества и способности юристов-профессионалов порожда-

ют эмоциональные отклики возвышенного характера, тем самым упрочивая статус и эффективность правового регулятора в глазах населения.

Итак, какие именно черты и свойства должны быть присущи правоприменительной деятельности, чтобы последнюю действительно можно было именовать искусством (естественно, понимаемом в параметрах практической эстетики). Для общего ориентира здесь нелишним будет обратиться к работе Р. Коллингвуда “Принципы искусства”, в которой он перечисляет шесть типов того, что ошибочно называют искусством. Автор считает “не-искусством”: развлечение, когда эмоции вызываются ради собственно эмоций и получения удовольствия; магию, когда чувства вызываются в практических целях; головоломку, когда интеллектуальная деятельность стимулируется только ради того, чтобы в ней поупражняться; обучение, когда умственную деятельность возбуждают ради познания того или иного предмета; рекламу (пропаганду), когда практическая деятельность стимулируется как целесообразная или выгодная; проповедь, когда такая деятельность стимулируется как справедливая [Коллингвуд 1999, с. 41]. Хотелось бы надеяться, что предлагаемые ниже свойства правоприменения, понимаемого как практическое искусство, под такие показатели не подпадают.

Во-первых, в “искусстве правоприменения”, как представляется, совпадают *юридические, нравственно-моральные и эстетические начала*. То есть такая деятельность:

- 1) утверждает высокую ценность права и его содержательную правильность;
- 2) законная, то есть использует только те способы, методы и средства осуществления, которые закреплены (предписаны) официальным правом;
- 3) справедливая, поскольку выражает действия и решения соразмерные, разумные, целесообразные, правильные;
- 4) фактически и логически обоснованная;
- 5) морально-нравственная, имеющая не только индивидуальное, но и социально-всеобщее значение;
- 6) экономичная, сокращающая усилия и сводящая сложное и запутанное к ясному, простому, но без потери содержания;
- 7) в определенной степени неожиданная, отклоняющаяся от стереотипов, однако с умеренной степенью новизны;
- 8) сочетает государственно-властные интересы и уважительное (щадящее) отношение к человеку;
- 9) демонстрирует умение принять решение, оценить доказательства в ситуации неопределенности, противоречивости, пробельности;
- 10) отличается высоким уровнем языковой грамотности, блестящей юридической стилистикой, убеждающей риторикой и т.п.

Этот перечень, разумеется, не исчерпывающий, но он может представлять интерес в качестве предварительной модели обсуждения формулы “юридической красоты”, то есть эстетической нормы в юриспруденции. Во-вторых, акты правоприменительной деятельности, которую можно называть практическим искусством, сопровождаются особой *реакцией* наблюдающих ее лиц, они вызывают к себе *отношение* (отклик, оценку) *эмоционально-эстетического свойства*. Такой эмоционально-эстетический отклик рождается в определенной мере стихийно, путем сравнения результатов правоприменения с субъективным видением и опытом лиц-участников (“зрителей”), протекает в глубине сознания последних сокровенно и интимно. Но это отклик-отношение творчески активное по своим последствиям для правопорядка, поскольку формирует актуальное правосознание и определяет дальнейшее поведение субъектов права. С позиции эстетического подхода можно утверждать, что субъекты-участники, вовлеченные в правоприменительный процесс, наряду и вместе с правоприменителями – полноправные соавторы правоприменительной деятельности. Безусловно, дополнение рациональной по своей сути правоприменительной деятельности внеэмпирическим и трансцендентным началом, каковым является эстетико-эмоциональное отношение (оценка) лиц – участников процесса, затрудняет юридическое познание

правоприменения. Поэтому для прояснения многих его моментов с рассматриваемой точки зрения необходимо использовать *психосоциокультурные методы*, обратиться к более глубоким слоям антропологической методологии, недостаточно используемым сегодня юристами.

Серьезные методологические трудности, возникающие на пути понимания феномена правоприменения с позиции эстетических и творческих начал, не отменяют значимости факта возврата отечественного правоведения к оценке правоприменения в качестве искусства [Правоприменение... 2015]. Важно продолжать искать точку соприкосновения привычной догматики с эстетикой юридического дела, дабы, как призывал Муромцев, “предусмотреть естественный рост и развитие правового порядка” [Муромцев 2010, с. 183].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердсли М. (1997) Эстетическая точка зрения // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. М.: Одиссей; Деловая книга.

Графский В.Г. (2005) Всеобщая история права и государства. Учебник для вузов. М.: Норма.

Ивановский В.В. (1913) Учебник государственного права. Казань: Типолитограф. Императорского университета.

Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. (1982). В 2 т. Л.: Гос. изд-во политической литературы.

Иеринг Р. фон (2015) Юридическая техника. О существе юридического формализма (<http://oldlawbook.narod.ru/Ihering.pdf>).

Коллингвуд Р. Дж. (1999) Принципы искусства. М.: Языки русской культуры.

Малахов В.П. (2015) Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правоприменения: М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.

Муромцев С.А. (2010) Что такое догма права? // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов. Самара: Самарская гуманитарная академия. С. 160–185.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. (1830) СПб. Т. 7. № 4443.

Правоприменение как искусство: Сб. тезисов выступлений на Десятых философско-правовых чтениях памяти акад. В.С. Нерсесянца (2015) М.: ИГП РАН.

Тарановский Ф.В. (2001) Энциклопедия права. СПб.: Лань.

Esthetic Context of Law Enforcement Art

GLUKHAREYOVA L.*

* *Glukharyova Lyudmila* – doctor of science (Law), head, Department of International Law, Russian State University for the Humanities. Address: 6, Miusskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation. E-mail: liglur@mail.ru.

Abstract

The article refers to law enforcement as a kind of art like wise in pre-revolutionary juridical literature. Such an approach enables to make actual a quality aspect of law enforcement, draw attention not only to its dogmatic constituent but to creativity Interpretation of law enforcement as an art requires scientific circle with emotional and sensuous assessments and relationship between its participants. Thus arises the problem of relation of between power subjects law enforcement, law culture and public order which are mostly created by legal consciousness and behavior of citizens. The term “law enforcement art” involves esthetic characteristics (beauty, correctness, positivity, harmonicas, etc.) within the juridical analysis. According to the author the indexes of law enforcement esthetics consist

of legal, moral and true esthetic components. Therefore it is evident that jurisprudence should address to psycho- and socio-cultural methods of science as well as fundamental learning of anthropological base of legal activities.

Keywords: action-oriented jurisprudence, law enforcement art, creative element of law enforcement, rationalism of law, emotional and sensuous perception of law enforcement activities, practical esthetic, beauty, lofty, harmonious, indexes of esthetic of law enforcement, psycho- and socio-culture methods of science.

REFERENCES

Berdsley M. (1997) Esteticheskaya tochka zreniya [Esthetic Point of View]. *Amerikanskaya filozofiya iskusstva: osnovnye koncepczii vtoroy poloviny XX v.: antiessentialism, perceptualism, institutionalism. Antologiya* [American Philosophy of Art: Main Concepts of Latter Half of XX Century: antiessentialism, perceptualism, institutionalism. Anthology]. Moscow: Odissej, Delovaya kniga.

Izbrannyye proizvedeniya russkikh myisliteley vtoroy poloviny XVIII v. V 2 t. (1952) [Selection of Russian Thinkers of mid-to-late of XVIII century. In two volumes]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury.

Grafsky V.G. (2005) *Vseobshhaya istoriya prava i gosudarstva. Uchebnik dlya vuzov*. [World History of State and Law: Manual for Graduate Students], Moscow: Norma.

Iering R. von (2015) *Yuridicheskaya texnika. O sushhestve yuridicheskogo formalizma* [Legal Workmanship. On the Essence of Juridical Formality]. (<http://oldlawbook.narod.ru/Ihering.pdf>).

Ivanovsky V.V. (1919) *Uchebnik gosudarstvennogo prava* [Manual of State Law]. Kazan.

Kollingwood R.G. (1999) *Principy iskusstva* [Principles of Art]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury.

Malakhov V.P. (2015) *Pravo v kontekste form obshhestvennogo soznaniya. Princip pravoponimaniya* [Law in Context of Types of Public Conscience. The Principle of Interpretation of Law]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.

Muromtsev S.A. (2010) Chto takoe dogma prava? [What is Dogma of Law?]. *Yurisprudenciya v poiskax identichnosti: Sbornik statej, perevodov, referatov* [Jurisprudence is Searching an Identity: Collection of Articles, Translations, Reviews]. Samara: Samara Academy for the Humanities, pp. 160–185.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e (1830) [Collected Laws of Russian Empire. Collection 1]. St. Petersburg, vol. 7, no. 4443.

Pravoprimenenie kak iskusstvo: Sbornik tezisov vystuplenij na Desyatyx filozofsko-pravovyx chteniyax pamyati akademika V.S. Nersesyancza (2015) [Law Enforcement as an Art: Collection of Speaking Notes of Tenth Philosophy and Legal Readings in Memory of Academic V.S. Nersesyants]. Moscow: Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences.

Taranovsky F.V. (2001) *Enciklopediya prava* [Encyclopedia of Law], St. Petersburg: Lan'.